

Васил Проданов¹

УВЕЛИЧИВАЕТ ЛИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ КОНФЛИКТЫ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВАХ?

Создание национальных государств с начала современной эпохи неразрывно связано с формированием единых национальных культур, которые становятся основой формирования единого «мы» больших масс людей. Именно единые национальные культуры лежат в основе того, что такие авторы,

¹ Член-корреспондент Болгарской академии наук, директор Института философских наук (1988–1992) и Института философских исследований при Болгарской академии наук (1995–2010), доктор философских наук, профессор. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. 21 монографии: «Добро и дължимо», «Познание и ценности», «Биосоциални ценности», «Биоетика», «Гражданското общество и глобалният капитализъм», «Насилието в модерната епоха», «Бъдещето на философията» и др. Член редколлегии ряда научных журналов, среди них «Монд дипломатик».

как Бенедикт Андерсон, называют «воображаемыми общностями». Такие институции, как армия на базе срочного призыва и обязательное национальное образование, играют в этом отношении ключевую роль. Государства стремятся к культурной гомогенности населения на своей территории и с этой целью используют различные методы, начиная с насильственного переселения чужих этнических и культурных общностей за границы страны и заканчивая насильственной или добровольной ассимиляцией.

В США, эмигрантском государстве, принимающем людей различных народностей, этносов и религий, создается своеобразный механизм, известный как «плавильный котел» (melting pot), который

в конечном счете приводит к интеграции в единую нацию множества различных по своему происхождению индивидов. Однако в последние годы механизмы создания единой национальной культуры все в большей степени не работают, и это приводит к распаду некоторых единых государств, к агрессивным сепаратистским движениям. В Америке отдельные общности все сильнее осознают себя как нечто самобытное, что приводит к распаду государства на италоамериканцев, афроамериканцев, испаноамериканцев и т. д. Составляющие единое целое, таким образом, все более разнятся. Даже евреи, сохраняющие свою идентичность в неродной среде в течение тысячелетий, прибывая в Израиль, оформляются в различные группы и культуры, которые создают свои партии и обособленные районы проживания специфических меньшинств. Кажется, что понятие «идентичность» становится все более подвижным, и люди стремятся вернуться к первичным историческим формам культурной принадлежности, а существующая до этого ассимиляция меньшинств со стороны национальных государств и культур исчезает.

Одной из тенденций третьей индустриальной революции и постфордизма является то, что они способствуют развитию горизонтального и сетевого типов отношений, в которых отдельные субъекты являются равноправными. Интернет и информационная революция играют здесь ключевую роль, создавая огромное количество горизонтальных взаимосвязей между различными регионами планеты. Предыдущие «воображаемые сообщества» национальных государств, локализованные на определенных территориях, начинают колебаться от увеличивающегося количества «виртуальных общностей», создаваемых с помощью глобальных коммуникаций, для которых общее культурное пространство не является территориально локализованным. Так возникают благоприятные предпосылки для «эрозии» национальных государств, их распада, усиливающейся миграции и все большей мультикультурализации некогда гомогенных обществ. В то же время идеология демократии утверждает эгалитарные приоритеты. В мире возрастает количество образованных и урбанизированных людей, более склонных к диалогу. Мир все более становится постмодерным и относительным, что способствует распространению отношений терпимости и взаимодействия, в рамках которых каждый субъект воспринимается как имеющий право на свое отличие от других, только если оно не мешает остальным. В развитых странах существует большая прослойка представителей среднего класса, культивирующая постматериальные ценности в культуре. Последняя, кстати, также является более диалогичной. Это приводит к возрастающей культурной релятивизации и распространению постмодерных идей за пределы больших нарративов. На глобальном рынке культурных символов и стилей жизни человек может легко изменять свою идентичность, соотнося себя с различными культурами.

В действительности как будто наблюдается уменьшение разнообразия, например в любой точке

мира люди пьют кока-колу, носят джинсы, смотрят голливудские фильмы, ходят в «Макдоналдс». Однако одновременно с этим в самих США, которые воспринимаются как культурная угроза для остального мира, приток новых иммигрантов, идей и обычаев извне изменяет саму американскую культуру. А количество китайских ресторанов в мире превышает число ненавидимых антиглобалистами «Макдоналдсов».

Опыт модернизации азиатских государств показывает, что глобализация возможна при сохранении и утверждении культурных различий и особенностей. В то же время традиционные культуры также не остаются неизменными, а подвергаются непрерывным изменениям и трансформациям. Ключевым элементом в сохранении и развитии культур становятся новые коммуникации. Они дают возможность разобщенным в пространстве потребителям данного продукта объединиться и способствуют образованию специфических общностей со своими нишами в культуре и на рынке. Например, является неоспоримым тот факт, что сегодня в Великобритании больше, чем раньше, пользуются уэльским диалектом в Уэльсе и кельтским языком в Ирландии, а различные европейские страны передают полномочия местной власти. Глобальная информационная революция усиливает, а не ослабляет локальные культуры и стимулирует создание, избобретение новых. Именно это является одной из важных предпосылок для непрерывного появления все новых государств, соответствующих усиливающимся идентичностям, ранее выглядевшим незаметными локальными.

В качестве реакции на данную ситуацию возникла политика мультикультурализма и признания различных идентичностей. Термин «мультикультурализм» и связанная с ним политика были сформулированы в начале 1970-х годов в Канаде, а стали особенно популярными в связи с переменами, происходившими в Северной Америке. Политика мультикультурализма — результат начала борьбы за культурную автономию Квебека, за гражданские права в США в связи с появлением так называемого «третьего поколения права», относящегося к общностям, в отличие от первых двух «поколений права», являвшегося индивидуальным.

Идея мультикультурализма вошла в политическую практику, в социальные науки и политическую философию, стала основой развития нового направления в философии, в центре которой находятся такие категории, как политика признания, политика идентичности, мультикультурализм. Всемирную известность приобрели работы в данной области таких политических философов, как Чарльз Тэйлор, Эми Гутман, Уилл Кимлика. Мультикультурализм казался неизбежным в условиях возрастающих потоков эмигрантов и усиливающегося этнорелигиозного разнообразия государств. 2 ноября 2001 года ЮНЕСКО приняла Всеобщую декларацию о культурном разнообразии, целью которой, по словам ее генерального секретаря, было «подтвердить убеждение, что межкультурный диалог является самой лучшей гаранти-

ей мира». В декларации подчеркивается, что культурное разнообразие реализуется в уникальности и плюрализме групп и обществ, образующих человечество. Акцент делается на том, что разнообразие в культурном отношении является предпосылкой для перемен, инноваций, творчества.

Однако проблема заключается в том, как это разнообразие будет сочетаться с другими различиями, прежде всего с экономическими и политическими. Мысль о равенстве и уважении к различным культурам встречается еще в XVIII веке в трудах Гердера, но с тех пор до настоящего времени на ее пути возникали различные препятствия.

Первым препятствием было то, что отдельные культуры различаются по своим масштабам и возможности воздействия. Имеются господствующие культуры, которые благодаря СМИ, языку, финансам доминируют над остальными в определенный период. Сегодня это видно на примере американской, в частности голливудской, культуры. В современном мире большинство переводов (50–60 %) осуществляются с английского языка, что предполагает мировое господство англосаксонского типа культуры («Гутенбергова галактика»). Даже в странах, известных специфической политикой насаждения своей культурной идентичности, каковой является Франция, 58 % всех переводных книг — с английского языка. В небольших государствах этот процент еще выше. Так, в Сербии он достигает примерно 70 %. Только от 3 до 6 % в мире составляют переводы с других языков на английский, что свидетельствует об огромной культурной асимметрии, которую невозможно преодолеть никакими декларациями ЮНЕСКО¹. Следует иметь в виду, что в киноиндустрии данная асимметрия еще больше.

Второе препятствие — культуры являются механизмом легитимирования власти и идентичности, вследствие чего политики заинтересованы в том, чтобы утвердить свою культурную гегемонию, а огромная часть политических баталий находит свое выражение в культурных войнах и столкновениях.

Третье препятствие связано со следующим вопросом: там, где существует много культур, от чего зависит единство между людьми? И вообще, каковы границы культурного разнообразия и различий, к которым мы будем проявлять терпимость? Очевидно, что такие границы необходимы, и невозможно терпимое отношение к любой культуре.

В-четвертых, культуры не являются чем-то застывшим и неизменным, они развиваются и изменяются, в наше время особенно быстрыми темпами. При этом возникает вопрос: к чему конкретно мы должны испытывать уважение в процессе перемен?

В этом контексте мультикультурализм (прежде всего на американском континенте) превратился в злободневную тему философских и политических дискуссий, которые позднее были перенесены в Европу, где политика мультикультурализма была подвергнута сомнению правыми и популистскими пар-

тиями. Знаменательна дискуссия по поводу публикации бывшего члена правления Бундесбанка Тило Сарацина «Германия самоликвидируется». В результате появилось заключение, сформулированное канцлером Германии Ангелой Меркель: «В начале 1960-х годов наша страна пригласила иностранных работников, они живут здесь и сейчас. Известное время мы обманывали себя и говорили: “Они не останутся у нас и через какое-то время уедут”, но этого так и не случилось. И, разумеется, наш подход опирался на мультикультурализм, на то, что мы будем жить рядом друг с другом и будем ценить друг друга. Этот подход провалился, полностью провалился». Также подчеркивалось, что в условиях глобализации коммуникаций все труднее становится интеграция местных диаспор. Так, если супруги турецких иммигрантов в 1960-е годы сидели дома, занимались воспитанием детей, смотрели немецкое телевидение и таким образом учили немецкий язык, то сейчас они смотрят турецкое телевидение и овладение немецким языком становится для них все более сложной задачей. Постоянно увеличивающееся количество иммигрантов создает напряженность на рынке труда и ситуацию, при которой социально-экономические и этнические неравенства совпадают.

В принципе, консервативно настроенные авторы и политики относятся к этому критически, в отличие от либералов и социал-демократов, которые делают акцент на правах человека, в частности на культурных и коллективных правах. Более того, в условиях глобализации, когда различия в экономической политике между левыми и правыми политическими силами все более стираются, отношение к культуре и таким вопросам, как единство и разнообразие в обществе, становится водоразделом между ними. Консерваторы обычно выражают тревогу по поводу распада коллективной идентичности под воздействием иммигрантов и мультикультурализма, в то время как либералы, особенно левые либералы и социал-демократы, выступают за защиту разнообразия, множественность культурных прав.

Никто не отрицает, что культурное разнообразие необходимо, но возникает вопрос о его границах и факторах, обуславливающих единство. Будет ли согласно данное общество, чтобы девочки-мусульманки в Европе ходили в школу в парандже? Будет ли разрешено верующему мусульманину в Болгарии (как выражение толерантности к моей культуре) иметь четыре жены или он должен подчиняться заложенной в болгарской правовой системе и христианской культуре моногамии? Как и кто будет определять язык, символы, знаки, с которыми взаимодействуют различные культуры, и формировать общую культуру с учетом их существования и уважения. Центральной проблемой этих дискуссий является вопрос, сохранится ли нейтралитет государства в отношении культурных различий или они должны стать его частью? Является ли разнообразие культур характерным только для гражданского общества или оно будет проявляться и на уровне государства?

¹ *Wischebart R.* Kultur, Globalisierung und Vielfalt — eine Fata Morgana. 2007.

Традиционные различия между идеологиями переносятся и на нормативные теории мультикультурализма — существуют левые эссенциалисты, делающие акцент на сохранении культур меньшинств; либеральные антиэссенциалисты, для которых основным является индивидуальное право выбора; процедурные мультикультуралисты, для которых мультикультурализм имеет право на существование только в гражданском обществе; коммунитарные мультикультуралисты, которые ищут проявления культурных различий в политике и государстве, учитывая различные этнические, религиозные и другие партии, соответствующие культурные, религиозные, расовые квоты; консервативные антикультуралисты, борющиеся за сохранение национальной целостности и против опасного мультикультурного разделения общества.

В дискуссии о мультикультурализме формируются диаметрально противоположные мнения о негативных и позитивных тенденциях мультикультурализма. С одной стороны, тезис, что мультикультурализм ослабляет национальное единство. С другой стороны, противоположное мнение, что мультикультурализм разрушает разделяющие людей барьеры. Таким образом, противопоставляются два утверждения: 1) что мультикультурализм создает не представительные элиты, которые присваивают себе право говорить от имени своей «общности»; 2) что мультикультурная политика, давая власть меньшинствам, приводит к их большему участию и представительству.

Однако за всеми дискуссиями стоит базисная дилемма, показывающая различные формы мультикультурализма: которые являются опасными и содержат большой потенциал для создания конфликтов; которые содержат этот потенциал в минимальной степени. Чтобы решить эту дилемму, мы разграничим два методологических подхода к мультикультурализму — эссенциалистский и конструктивистский.

Культурный эссенциализм (натурализм) предполагает, что любая культура обладает уникальной фиксированной сущностью, которая существует независимо от контекста или межкультурных отношений и действует на этническую группу так, как она действует. Эта сущность проявляется в большей или меньшей степени у каждого представителя соответствующей культуры. Из этого следует, например, что если иммигрант уехал из своей страны и оторвался от своей культуры, то на новом месте он должен обрести свою старую культурную принадлежность и ограничиться ею. Культурная принадлежность не есть право на выбор, она трансформируется в predetermined сущность, которая может предполагать распространение негативных санкций и дискриминацию, что является предпосылкой для «культурных войн» и «столкновений цивилизаций».

Культурный конструктивизм (антиэссенциализм) основывается на идее об активной роли индивидов в создании культурных продуктов. Справедливо утверждение, что индивиды рождаются и раз-

виваются в определенной культурной реальности, но они могут изменить параметры этой реальности. Более того, в современном глобальном мире, в котором производство культуры является гигантской индустрией, непрерывно генерируются огромные потоки культурных продуктов, которые с помощью глобальных СМИ могут достичь каждого, независимо от того, какова его локальная или национальная культура. Поэтому ответственность несут только индивиды, а их культурная принадлежность не обязательно имплицитно определяет определенные характеристики их поведения. Антиэссенциализм предполагает, что культура и культурная идентичность изменяются и индивид может отказаться от тех или иных ее характеристик, изменить их или выбрать альтернативную культуру. Антиэссенциализм содержит большой потенциал для диалога культур, потому что отрицает понимание культуры как застывших и закрытых субстанций, учитывает то, что культуры вступают в многообразные и сложные отношения.

Антиэссенциализм, как, впрочем, и эссенциализм, также может быть опасен, потому что приводит к культурному релятивизму, вплоть до разделения культур, до сверхакцентирования на их специфике, а не на том общем, что есть между ними. Не рассматривается вопрос о содержании ценностей, присущих той или иной культуре, который состоит в том, в какой степени эти ценности могут быть основой сосуществования различных культур, избегая сравнительной их оценки. Не учитывается то, что различные ценности и правила могут нести в себе элементы несовместимости между культурами и что вопрос о сосуществовании различных культур не является независимым от правил и ценностей, которые содержит каждая культура. Антиэссенциализм ставит сверхакцент на индивидуальном выборе и самоопределении, когда речь идет об идентичности, и не учитывает, что каждый индивид все же является частью некоей истории и соответствующей общности. Не случайно Сэмюэль Хантингтон говорит о мультикультурализме как об опасной «антизападной идеологии», которая затрудняет ассимиляцию иммигрантов и создает в Америке множество групп, имеющих различные политические ценности¹.

Но если мультикультурализм в иммигрантских государствах, таких как Канада, США, Австралия, воспринимается настороженно, что можно сказать о государствах с древней исторической традицией, которым не присущ иммигрантский характер и большая часть населения которых в культурном отношении однородна и характеризуется общей идентичностью? Они опираются на определенную историю, связанную с данной идентичностью, и крайности «политики различий» могут превратиться в инструмент дегомогенизации и серьезных конфликтов. Не может существовать государство, если оно формируется не на базе некоей общей идентичности, если население на его территории или некие «нейтрально» единые или мультикультуралитски

¹ Huntington S. Who Are We? The Challenges to America's National Identity. N. Y., 2004. P. 171.

разъединенные институты осуществляют единство на данной территории. Существование государств опирается не только на общие институты, формальные общие правила, но и на общую историю, культуру, идентичность. Европа как единая политическая и экономическая общность сможет стать сильной лишь в том случае, если, кроме 27 отдельных языков и национальных идентичностей, будет существовать общий язык, культура, ценности, символы и идентичность.

Не существуют статичные и неизменные идентичности и культуры, а имеется множественность идентичностей, различные уровни культурной принадлежности, поэтому мы должны учесть, что общие политические единицы возможны, только если на более высоком уровне они опираются на общее ядро, часть общей национальной идентичности (независимо от их культурного разнообразия). Политика признания различий не должна осуществляться за счет политики признания единства. Если опираться только на гражданское (политическое) понятие нации, в котором общим является правовая увязка группы людей с некой державой, то держава не сохранится. Необходимо общее культурное понятие о нации как о виртуальной или воображаемой общности, представляющей собой общее поле коммуникации, реализуемое в общем языке, месте памяти, знаках, символах, значениях.

После 11 сентября 2001 года как в Северной Америке, так и в Европе стали говорить о том, что не может быть мультикультурализма «без границ», что он должен быть связан с внедрением единых национальных правил, требований, обязательств. Эти мнения (включая либеральных политиков) звучат и в публичных дебатах в Европе после терактов и убийств на религиозной почве в Голландии, Великобритании, Испании. Говорят о «кризисе мультикультурализма», о том, что «мультикультурализм мертв»¹. Предыдущее консервативное отрицание также повлияло на либеральные и социал-демократические партии. Например, Рене Куперус — представитель голландской партии труда — следующим образом комментирует возрастающее «мультикультурное неодобрение», особенно в рядах избирателей социал-демократических народных партий. Говоря о «новой исторической миссии социал-демократии», он подчеркнул, что необходимо «сказать до свидания концепции мультикультурного общества. Это трудный выбор. Но я думаю, что концепция мультикультурализма принесла много вреда и неясности как эмигрантам, так и тем, кто родился здесь... Она находится в противоречии с успешной моделью интеграции восприятия чужой культуры и ассимиляции в смысле обеспечения занятости, равенства, социального и политического участия»². Кроме того, он добавил, что

¹ *Malzahn C. Ch. Germany's Second Unification // Spiegel Online. 2006. 6 April.*

² *Куперус Р. Как малые страны, такие как Болгария и Голландия, выживают в глобальной трансформации и сохраняют толерантные общества? // Мизов М. Диалог и толерантность в политике. 2007. С. 37.*

большое количество голландцев (70 %) ³ отрицают мультикультурализм и считают, что «меньшинства должны приспособиться к национальной культуре». Отсюда вытекает идея, что вместо мультикультурализма нужно говорить о «национальной идентичности», понимаемой как связанная с «надэтнической общностью и солидарностью».

Подобные взгляды, направленные против нынешних мультикультуралистских крайностей и ориентированные на акцентирование общих культурных характеристик нации в национальном государстве, привели к формулированию требований об ассимиляции иностранцев, их объединению на основе общего национального языка, истории, культуры, традиций.

В 2003 году министр внутренних дел Франции Николя Саркози предложил сложный тест с вопросами, на которые должен был ответить любой иммигрант, желающий получить французское гражданство. Среди них вопросы типа: «Может ли состоящий в браке мужчина быть осужден за изнасилование своей супруги?»; «Что означает принцип индивидуальной свободы?»; «С какого момента разделены церковь и государство во Франции?»; «Каковы права иностранцев во Франции?»; «Каковы три принципа социальной обеспеченности?»; «Кто должен дать согласие, если ты хочешь вступить в брак?»; «Каковы колониальные морские территории Франции?»; «Каковы два способа, посредством которых народ может осуществить свое право на национальный суверенитет в соответствии с французской Конституцией?»; «Когда было отменено рабство во французских колониях?»

В октябре 2005 года МИД Британии опубликовал серию вопросов, связанных с географией, управлением, историей, монархией в стране, на которые каждый иммигрант должен ответить. В марте 2006 года немецкая провинция Гессен ввела тест из 100 вопросов, на которые необходимо ответить, чтобы получить гражданство Германии. Все вопросы разделены на несколько основных групп: общая информация о Германии; познания в ее истории; Конституция и основные права; выборы, система выборов, основные права, партии, лобби; устройство государства; культура, образование и наука; национальные символы. В конце 2005 года нидерландский парламент принял новые правила получения голландского гражданства. Будущие иммигранты должны сдавать экзамен по голландскому языку и культуре, а чтобы его сдать, необходимо пройти курс обучения 250–350 часов. Хорошее владение голландским языком является начальным условием интеграции, а в конечном счете и ассимиляции различных иммигрантов, в результате чего они формируют общую голландскую идентичность.

Все изменяющиеся виды практики интеграции иностранцев в единую национальную культуру являются выражением того факта, что человек может быть связан с различными элементами локального и глобального культурного пространства, что могут

³ *Куперус Р. Указ. соч. С. 42.*

существовать различные иммигрантские общества и меньшинства, но их функционирование в единой политической общности предполагает общую культурную идентичность. В современных государствах происходят значительные изменения в области культуры и демографии. Но если они не смогут создать не только политические, но и культурные механизмы интеграции различных меньшинств в единое целое, то это грозит опасностью для их существования. Безопасность государства в сфере культуры обуславливается наличием единого культурного пространства, которое объединяет граждан и является основой их коммуникации и солидарности, основанных на общих переживаниях, правилах и нормах. Это означает, что отдельные культуры в мультикультурном обществе не могут быть «монадами», содержащими индивидов, а должны быть адаптиро-

ваны к среде, в которой они находятся; они должны вести активный диалог, быть частью динамики, которая трансформирует каждую частицу в единое целое, они должны быть открыты для нового культурного синтеза. При проявлении мощных альтернативных культурных общностей в рамках национального государства их сохранение зависит прежде всего от того, найдут ли они точки соприкосновения с другими общими культурными общностями. Там, где мультикультурная ситуация превращается во множество автономных культурных идентичностей без необходимого взаимодействия между ними (которое обуславливает их взаимную трансформацию и адаптацию в направлении общей идентичности), государство находится под угрозой возникновения культурных разногласий, опасных конфликтов и распада.